

Б. Волин, С. Ингулов

Политграмма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Б11

Б11 **Б. Волин**
Политграмота / Б. Волин, С. Ингулов – М.: Книга по Требованию, 2021. –
352 с.

ISBN 978-5-458-51197-1

Агитационная советская книга. Описывается становление Советского государства, его политика и идеология. Большое внимание уделяется сравнению уровня и качества жизни населения СССР с царской Россией и капиталистическими государствами. Поясняется, что такое капитализм, социализм, коммунизм, НЭП, троцкизм, Коминтерн и пр.

ISBN 978-5-458-51197-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

бумажной мануфактуры Бутылина указывалось: «Дневная работа начинается с 4 часов утра и кончается в 8 часов вечера».

У любого молодого рабочего нашего советского предприятия может возникнуть вопрос: кто же в старые, дореволюционные годы устанавливал для фабрик и заводов рабочее время в два и почти в три раза больше, чем рабочий день на советском заводе? Молодой советский рабочий привык к тому, что все порядки, касающиеся жизни заводов, фабрик, устанавливает наше пролетарское, советское государство.

Но до революции было иначе. Заводы и фабрики принадлежали капиталистам. Фабриканты устанавливали на своих предприятиях такие порядки, какие им были выгодны. А самодержавие — власть помещичьего класса, которая при помощи своих чиновников, полиции, судов, жандармов подавляла всякие выступления рабочих против капиталистов, всеми способами помогала капиталистам вводить на заводах и фабриках выгодные им порядки.

Главная забота капиталистов состояла в том, чтобы получить от труда рабочих на фабриках и заводах возможно больше прибыли. Чем больше рабочий трудился и чем меньше ему хозяин платил, тем больше была прибыль фабриканта, тем больше он присваивал себе из того, что вырабатывали своим трудом рабочие. Поэтому заводчик *всегда стремился к удлинению рабочего дня.*

Если, скажем, рабочему, чтобы создать стоимость, равную его заработной плате, достаточно было 4 часов работы, а рабочий день длился 10 часов, то ясно, что остальные 6 часов рабочий *работал на капиталиста даром, создавая прибавочную стоимость.* Ленин так разъяснял, что такое прибавочная стоимость:

«Наемный рабочий продает свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, орудий труда. Одну часть рабочего дня рабочий употребляет на то, чтобы покрыть расходы на содержание свое и своей семьи (заработная плата), а другую часть дня рабочий трудится даром, создавая *прибавочную стоимость* для капиталиста, источник прибыли, источник богатства класса капиталистов».

В 1908 г. в России всего было около 20 тыс. фабрик и заводов, а работало на них 2¼ млн. рабочих. Заработок одного рабочего в год в среднем составлял 246 руб., а прибыли каждый рабочий в отдельности давал хозяину в среднем 252 руб. в год. В среднем на одно предприятие приходилось прибыли около 300 тыс. руб. в год. Стало быть, на себя рабочий работал меньше половины рабочего дня, а большую часть дня он работал на обогащение капиталистов. *В присвоении капиталистами неоплаченного труда рабочих и состоит эксплуатация рабочих капиталистами.*

Так было в старой, капиталистической России не на отдельной фабрике, а на всех заводах, фабриках, во всех рудниках и шахтах, на всех предприятиях. Не только Рябушинский, братья Щаповы,

Бено-Ронталлер и Дюфурмантель эксплуатировали рабочих, — все фабриканты, все капиталисты, вместе взятые, составляли *класс эксплуататоров — буржуазию*. Класс капиталистов в целом присваивал прибавочную стоимость, которую создавал весь класс рабочих.

Куда же дедали капиталисты всю эту присвоенную прибавочную стоимость? Часть ее они тратили на личные нужды и прихоти, на роскошь и излишества, на разврат и разгул. Другую часть капиталисты расходовали на расширение своих предприятий, и часть прибавочной стоимости шла на содержание царя, царских чиновников, военщины, полиции, церкви и т. п. — на систему угнетения рабочего класса. Таким образом класс наемных работников — *пролетариат* своим трудом содержал всех капиталистов, тунеядцев и всех угнетателей рабочего класса.

Жадные до прибылей капиталисты стремились выжать из труда рабочих возможно больше прибавочной стоимости и для этого старались прежде всего удлинить рабочий день. Но уже с самого начала развития капитализма в России заводчики и фабриканты встречали сопротивление рабочих. Многие стачки рабочих в конце XIX столетия проходили в борьбе за сокращение рабочего дня. В 1905 г. вспыхнула стачка, которая превратилась во всеобщую забастовку. Одним из требований рабочих было сокращение рабочего дня на заводах и фабриках до 8 часов.

Когда иваново-вознесенские рабочие в 1905 г. создали свой совет рабочих депутатов, они предъявили царскому министру внутренних дел такое требование:

«Восьмичасовой рабочий день для нас необходим. Мы не можем изнашиваться на работе, мы не можем жить без отдыха, точно на каторге, мы не можем ждать».

Очень долго и упорно боролись рабочие за 8-часовой рабочий день. Но только после свержения власти царя и капиталистов, только после победы Октябрьской социалистической революции удалось ввести 8-часовой рабочий день и затем (начиная с 1927 г. — десятилетия советской власти) установить самый короткий в мире рабочий день — *7-часовой*, а в шахтах и на производствах, вредных для здоровья, — *6-часовой*.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

В погоне за прибылью русские капиталисты старались не только удлинить рабочий день, но и заставить рабочих выработать за это время больше товаров. Если на гвоздильном заводе каждый рабочий вместо 20 фунтов гвоздей в час стал давать 25 фунтов, то от этого заводчик получал увеличенный на 25% доход. Поэтому капиталист и стремился так поставить дело в цехе, в мастерской, чтобы рабочий

Расчет с рабочими на капиталистической фабрике

был прикован к станку, как каторжник к тачке. Чтобы заставить рабочего дасть большую выработку, капиталист вводил такой порядок оплаты труда, что выполнить норму можно было только работая до седьмого пота.

Зарботки рабочих были такие скудные, что их едва хватало, чтобы кое-как перебиться с хлеба на квас. На заводе типографских и литографских станков Гольдберга в Петербурге квалифицированные рабочие зарабатывали 15 — 16 руб. в месяц. На текстильной фабрике братьев Щаповых жалованье выплачивалось три раза в год: один раз весной, второй раз «к петрову дню» и третий раз осенью. Никто из рабочих не знал никогда, сколько он заработал и сколько ему следует получить. Только по осенней получке можно было определить, сколько «заработал» рабочий. И когда получка выдавалась на руки, то оказывалось нередко, что рабочий получал 5 — 6 руб. в месяц.

Но и эти жалкие зарботки казались фабрикантам слишком большими. *Капиталисты всеми средствами старались снижать заработную плату рабочих.* Расчет был простой: чем меньше хозяин заплатит рабочему, тем больше останется в его кармане. Возьмем для примера

одного из текстильных фабрикантов того же Иваново-Вознесенска — Гарелина. На его фабриках работало около 5 тыс. ткачей, прядильщиков и других рабочих. В 1905 г. Гарелин хотел уменьшить заработок каждого рабочего в среднем на пятак в день. Пятак как будто деньги небольшие, но хозяину это уменьшение дало бы прибыли 75 тыс. руб. золотом в год. Устроенная рабочими стачка помешала Гарелину выполнить свой план.

Фабриканты ухитрялись и разными другими способами обирать рабочих. В старой России на фабриках особенно широко применялись *штрафы*. За что только ни штрафовали рабочих! В отдельных случаях штрафовали даже за то, что рабочий не снял шапку при встрече с мастером. Штрафы были источником доходов для хозяина. Ленин писал:

«Всякий раз, когда у фабриканта дела шли плохо, — ему ничего не стоило сбавить плату вопреки условию. Он заставлял мастеров строже брать штрафы и браковать товар: выходило так же, как если бы рабочему сбавили плату».

Стремясь побольше снизить заработную плату рабочих и нажиться на этом, капиталисты прибегали ко всяким уловкам. Они устраивали например фабричные лавки, в которых обязывали рабочих втридорога покупать недоброкачественные продукты.

Всеми этими и другими способами капиталисты наживались на рабочих и обрекали их на голодное, нищенское существование. На текстильных предприятиях известного московского фабриканта Корзинкина чернорабочие получали от 8 до 15 руб. в месяц, ткачи и ткачихи получали от 12 до 18 руб., а штрафы отнимали почти треть этого жалкого заработка.

УСЛОВИЯ ТРУДА И БЫТА

В погоне за прибылью капиталисты меньше всего заботились об удобствах или о безопасности для рабочих на производстве. Меньше всего тревожило фабриканта, есть ли в цехах вентиляция, ограждения у машин, аптечка для оказания помощи рабочему при несчастном случае. Так как охрана труда стоила денег, то капиталисты отказывались вводить даже самые простые и дешевые улучшения условий работы пролетариев на предприятиях.

В то же время капиталисты, нажимая всеми силами на рабочих, чтобы получить большую выработку за час, за день, сами способствовали тому, что рабочие терпели увечья, разрушали свое здоровье, становились инвалидами. Напряженная работа и переутомленность при отсутствии даже самых простых средств охраны труда ослабляли осторожность рабочих, и их уродовали машины, калечили и убивали трансмиссии, шнеки и пр. Обвалы хоронили в рудниках

Так в тесноте жили
рабочие в царской
России

десятки и сотни шахтерев. В резиновых и других химических предприятиях происходили массовые отравления рабочих и работниц. Рабочие типографий изо дня в день отравлялись свинцовой пылью. Работницы табачных фабрик набивали свои легкие табачной пылью, заболевали туберкулезом и в какие-нибудь несколько лет работы превращались в инвалидов.

Во всех отраслях промышленности работа в темных, затхлых, лишенных воздуха цехах подрывала силы и здоровье рабочих. Но ни амбулаторий, ни больниц, ни тем более санаториев и домов отдыха не было для рабочих.

Ни о каких отпусках не было и речи. Те «отпуска», которые фабриканты предоставляли рабочим, были подлинным бедствием для них: на лето большинство фабрик закрывалось, и рабочие оставались без куска хлеба. Худшее время, когда рабочие особенно бедствовали, было обычно с петрова до усеньева дня (с 29 июня до 15 августа). Это — время наибольшей голодовки и нужды. Зарботков не было никаких. Кто имел связь с деревней, тот еще кое-как перебивался — отправлялся в деревню и там нанимался к помещику или кулаку на косьбу и обмолот. А городские рабочие оказывались в труднейшем положении. Многие из них не имели даже ночлега, так как не все жили в фабричных казармах, — часть рабочих жила тут же в мастерских, в цехах. Вот как жили например рабочие фабрики братьев Щаповых.

«На вольных квартирах рабочим жить не разрешалось, несмотря на то, что внутри фабрики помещений, пригодных для жилья, не было, — так рассказывает в своих воспоминаниях рабочий Камков. — В корпусах над станками настилались доски — полати, здесь-то и

располагались рабочие. Полати не были сплошными. Устраивались они обычно над двумя станками и были рассчитаны на два семейства. Отделялись они друг от друга занавесками, которые вешались со всех четырех сторон. За занавесками спали мужья с женами. Нередки были случаи, когда кто-нибудь из супругов без всякого со своей стороны намерения оказывался за перегородкой у соседей, так как расстояние между постелями было не более аршина. Матрацев на постелях не было, спали на подстилках, которыми в большинстве случаев служила одежда. Насекомых — клопов и тараканов — было такое множество, что у некоторых рабочих руки были сплошь изъедены и покрыты струпами... Выходить за ворота рабочим позволялось только по праздникам».

Так многие рабочие были обречены всю жизнь проводить без воздуха, в грязи и вони, в душных, гибельных для здоровья фабричных каменных мешках.

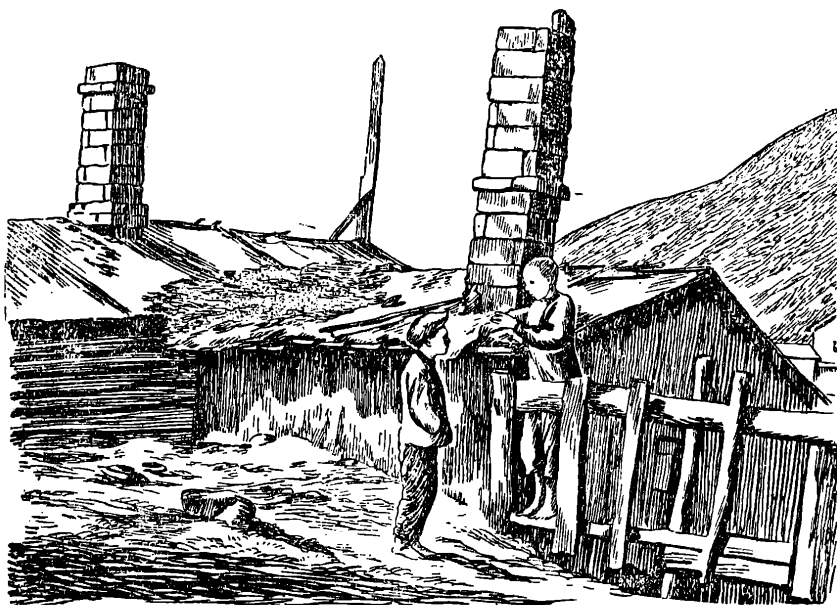
Но и те рабочие, которые жили в фабричных общежитиях — казармах, оказывались не в лучших условиях: рабочих селили по 4—5 семей в одну маленькую комнату. Взрослые и дети, мужчины и женщины спали вповалку на полатах или на полу. В Москве на Прохоровской мануфактуре в казармах стояли кровати, но эту «культуру» хозяин придумал для экономии места: кровати были высокие, так что взрослые могли спать на кроватях, а ребята на полу под кроватями.

Все это укорачивало жизнь рабочих. Очень часто в 30—40 лет рабочий из кормильца семьи превращался в обузу для нее, в лишний рот. *А социального страхования в старой, царской России не существовало.* Ставший инвалидом или состарившийся рабочий был обречен на голодную смерть.

Жить в тяжелом, непосильном труде пролетарий начинал рано, еще физически не окрепшим ребенком. На фабрику работать шли 12-летние и даже 10-летние дети, и работать им приходилось столько же часов в день, сколько и взрослым. Детства дети рабочих по существу и не знали. Их ничему не учили, их готовили прожить всю свою жизнь жизнью покорных вьючных животных.

Не все рабочие жили на фабриках и в казармах. Часть рабочих жила «на вольных квартирах», как говорили тогда. Но ютились они все на окраинах в грязных «слободках», «собачевках», «нахаловках». Это были скученные, тесные, глинобитные и деревянные хибарки, глубоко вросшие в землю, зараженные клопами, вшами, мышами.

Школ здесь не было, но зато на каждом шагу были «монопольки» — казенные лавки, продававшие водку. Царское правительство спаивало рабочих в кабаках водкой, чтобы отвлечь их от борьбы с капиталистами и с самодержавием. Попы в церквях старались убедить рабочих и их семьи, что покорность и непротивление существующим порядкам освящены самим богом.

В таких землянках жили рабочие в Горловке (Донбасс) в царской России

Болезни, несчастные случаи, ранняя инвалидность, дикий скотский быт — все это не трогало и не тревожило фабрикантов. Почему же хозяин-капиталист не заботился о здоровье рабочего? Ведь чем рабочий здоровее и сильнее, тем он лучше работает, тем больше он дает хозяину дохода. Но заботиться о рабочем — значило строить высокие, просторные и светлые корпуса, вводить вентиляцию, устанавливать ограждения у машин, строить удобные жилища, больницы, аптеки, предоставлять рабочим отпуска и т. д. Все это стоило денег и уменьшало доход капиталиста. Поэтому хозяин-капиталист не заботился о рабочем. Он хищнически эксплуатировал рабочего, выматывая его силы, а потом заменял обессиленного, истощенного, потерявшего здоровье рабочего другим, молодым, сильным. А возможностей поставить к станку новых рабочих взамен выбившихся из сил и ставших инвалидами было сколько угодно.

БЕЗРАБОТИЦА

Города были полны людей, искавших заработка. Эти люди бились в тяжелой нужде, отчаянно боролись за существование. У многих из них было все для плодотворной работы: сила, здоровье, умение,

знание своего ремесла. Были токари, слесари, монтеры, модельщики, прядильщики, машинисты, печатники — люди разных специальностей. Было много чернорабочих, людей без специальностей, которые хотели работать в качестве грузчиков, погонщиков, дворников, сторожей, уборщиков, которые хотели научиться слесарному, столярному или какому-либо другому делу.

Но эти люди были лишние. Они не были нужны на фабриках и заводах. Всегда за воротами заводов и фабрик в городах оставались тысячи и десятки тысяч безработных. Рабочий, работающий на фабрике, в любое время мог оказаться среди этих безработных. Не угодил мастеру, выбился из сил, постарел или просто заболел — рабочий оказывался за воротами. Ему оставалось «гранить панель» или работать «у графа Тумбочкина», как называли с горечью рабочие безработицу.

Как только дела шли плохо у капиталиста, он сокращал производство и выбрасывал на улицу рабочих сотнями и тысячами. *Рабочий на фабрике никогда не мог быть уверенным в завтрашнем дне: сегодня он работает, кое-как кормится, завтра он не у дел, пухнет с голоду.*

Этой неуверенностью рабочих в завтрашнем дне очень умело пользовались фабриканты и заводчики: они удлиняли рабочий день, сокращали заработную плату и разными другими способами усиливали эксплуатацию рабочих.

Вместе с ростом промышленности росла и безработица. Казалось, должно было быть иначе: раз росла промышленность, должна была сокращаться безработица — чем больше заводов и фабрик, тем больше на них рабочих. Но все дело в том, что число людей, готовых продать свою рабочую силу, росло быстрее, чем росла промышленность.

Почему это происходило? Потому, что рост крупной промышленности сопровождался разорением мелких предприятий. Большие заводы давили, поглощали или уничтожали мелкие мастерские, ремесленные предприятия. Кузнец-кустарь мог производить и продавать гвозди до тех пор, пока рядом не вырастал крупный гвоздильный завод. Как только какой-либо капиталист построил мощный завод — кузнец не мог конкурировать с ним. Завод имел хорошие машины. Он производил гвозди лучшего качества и много дешевле. Заводчик мог продавать свои хорошие гвозди по более дешевой цене. Кузнецу было не под силу бороться с заводом. Капиталист-заводчик быстро разорял кузнеца. Что ему оставалось делать? Продать или забросить свою кузницу и проситься на завод рабочим. Но на заводе уже было достаточно своих рабочих. И кузнец становился в ряды безработных.

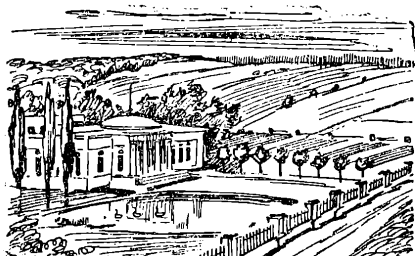
Большие массы лишних людей шли и из деревни.

В деревне крупные помещичьи и кулацкие хозяйства разоряли и

10 МИЛЛИОНОВ
БЕДНЕЙШИХ
КРЕСТЬЯНСКИХ
ДВОРОВ

ВЛАДЕЛИ
70 МИЛ.
ДЕСЯТ.
ЗЕМЛИ

30 ТЫСЯЧ
ПОМЕЩИКОВ

70 МИЛ.
ДЕСЯТ.
ЗЕМЛИ
ВЛАДЕЛИ

Распределение земли в царской России

вытесняли мелкие крестьянские хозяйства. Беднейшее крестьянство залезало в долги, не имело возможности платить налоги, и его жалкое имущество отбирали помещики, деревенские богачи, ростовщики, царские чиновники. Мелкие крестьянские хозяйства распадались или поглощались помещичьими и кулацкими. Крестьяне уходили батрачить к деревенским богатым или в поисках заработка отправлялись в город. А там их ждали нужда, безработица, отчаяние.

Тяжело и горько жилось крестьянину до революции. Все лучшие земли были в руках помещиков, царя и церкви. 30 тыс. помещиков владели почти таким же количеством земли, какое было у 10 млн. крестьянских дворов. Одна треть всего крестьянства была безлошадной. Другая треть имела только по одной лошади. Ни машин, ни даже плугов у большинства крестьян не было. Ясно, что они во всем зависели от помещиков и кулаков, которые зверски эксплуатировали и разоряли крестьян.

Всю горечь крестьянской жизни при царском самодержавии выразил украинский народный поэт Тарас Шевченко в следующих словах:

Нам только плакать, плакать, плакать
И хлеб насущный замесить
Кровавым потом и слезами!..
А слез, а крови! Напонтъ
Всех императоров бы стало, и
С потомством их, и утопить.

Разоренные крестьяне шли из своих деревень на фабрики и заводы в тщетных поисках заработка.

Таким образом эксплуатация крестьянства помещиками и кулаками в свою очередь поставляла большую массу безработных.

БОРЬБА РАБОЧИХ ПРОТИВ ЭКСПЛОАТАТОРОВ

Мириться с той жизнью, на которую их обрекали капиталисты и весь строй царского самодержавия, рабочие конечно не могли. Они всеми силами и всеми способами сопротивлялись эксплуатации капиталистов и режиму царского самодержавия.

Царская власть всемерно оберегала интересы эксплуататоров. Полицейские ищeyки шныряли всюду — на фабриках, в казармах, выискивая и вылавливая «смутьянов» и «крамольников», т. е. тех наиболее передовых и сознательных рабочих, которые призывали к борьбе с капиталистами.

Но и в цехах, и в рабочих общежитиях, и особенно на «вольных квартирах» революционеры вели непрерывную работу среди рабочих, разъясняя им, как следует бороться с капиталистами и с царским самодержавием. Они указывали, что нельзя бороться за повышение заработной платы и за сокращение рабочего дня, не борясь в то же время с властью царского самодержавия. Когда возникала забастовка, рабочие сталкивались раньше всего с полицейскими шашками и с казацкими нагайками. Казалось бы, кому же, как не фабриканту, респать, набавить или не набавить рабочему пятачок или гривенник в день, или сколько часов работать рабочему — 16, 15 или 12. А выходило так, что, предъявляя свои требования фабриканту, рабочие встречались лицом к лицу не только с ним и его управляющим, но и с полицейскими и с казаками.

Происходило это потому, что за спиной капиталистов в городе и помещиков в деревне неизменно стоял строй царского самодержавия со всей его системой гонений, арестов, каторги, расстрелов и виселиц.

Вот почему рабочие стали понимать, что для успеха борьбы с капиталистами надо одновременно бороться и против царизма. Вот почему в рабочих кварталах и на предприятиях росло и ширилось движение борьбы против царя и капиталистов.

В ряды передовых пролетариев в России уже в конце XIX столетия начало проникать учение Маркса, Энгельса, Ленина. Это учение указывало рабочим наилучший путь к уничтожению капиталистической эксплуатации и всего режима угнетения трудящихся масс. Эти передовые пролетарии все больше и больше убеждались, что без создания боевой пролетарской партии нельзя успешно бороться с царизмом и капиталистическим гнетом. И всюду — в разных городах,